

М. Погодин

Как аукнется, так и откликнется

Русские альманахи: Страницы прозы / Сост. и автор примечаний В. И. Коровин.-- М.: Современник, 1989 (Классическая библиотека "Современника")

[OCR Бычков М. Н.](#)

Родители Софьи, молодой девушки, которая играет главную роль в моем повествовании, принадлежали к благородной, как говорится, фамилии и считали в родословном *дереве* предков 30 по мужскому колену и столько же по женскому. Имение сначала было у них значительное, но благодаря уменью жить в свете, благодаря французским управителям и поварам, гувернанткам и модисткам они неприметно промотались было совсем, если бы в пору не вспомнили, что у них есть кандалы на шее, и не решились убраться в оставшуюся деревню для экономии. Экономия их там состояла, разумеется, не в плодотворной системе, которой они и понять никак не могли,-- не в посеве клеверу, хотя почтенный хозяин в свое время ничего на свете не любил столько, как лошадей,-- не в разведении, наконец, рогатого скота из Тироля и Голландии, которую полагали они далеко за Парижем на границе китайской; нет, они поступили проще: они разочли, сколько на такой-то земле, при таких-то условиях, может выработать тягло, обливая потом и кровью землю, обедая ходя и спав прислонясь, и привели это *сколько* в деньги. Потом разочли, сколько нужно тяглу насущного хлеба (деревня находилась при реке) для того, чтоб дышать и работать, и привели это второе *сколько* в деньги. Получив таким образом два данные, они вычли второе из первого, остаток назвали оброком и, собрав мирскую сходку, возложили оной торжественно на мирян. Позадумались миряне,-- особенно задние начали почесываться в головах. Выходит наконец Филипп и, поклонясь в ноги милостивым господам своим, объявляет, что такого оброка ни отцы, ни деды их не платили. "И так уже мы,-- начал за ним дядя Терентий,-- нынче..." Но тут добрый помещик мигнул дворецкому, сметливый дворецкий понял приказание и вышел... Под окошками в березнике слышался шум от ломаемых сучьев... У дяди Терентия прильнул язык к гортани. Все миряне взглянулись, поклонились и, проговорив "воля ваша", вышли. Таким образом, в продолжение нескольких лет надсматривая лично за крестьянами и сохранив число их для помещения в росписи, родители Софьи скопили сумму порядочную, т. е. такую, которая позволяла им прожить лет пять-шесть в столице блистательным образом. Старики рассчитывали очень умно: они надеялись выгоднее пристроить свою Софью в течение этого времени,-- оставили свое захолустье и явились на сцене большого света.

Софье было 18 лет, и Софья была прекрасна собою.

Ах, друзья мои, и теперь еще, когда время начинает гнестить меня тяжелою рукою своею, когда воображение мое гаснет и игривые призраки, мечты и видения не так часто выются около прежнего своего любимца, когда милая Лилета сидит на моих коленях,-- и теперь еще, друзья мои, не могу вспомнить о прелестной без содрогания. Как мила она была в легоньком палевом платьице, которое, чуть-чуть на плеча накинутое, всякую минуту, кажется, готово было спуститься... и взор нетерпеливый дожидался уже чуда,-- в этой дымчатой косыночке, едва касавшейся до шеи! С какою ловкостью волшебница ее откидывала, закидывала, поправляла!.. А эти русые волосы, в густых локонах на плеча ниспадавшие, эти голубые глаза, которые сверкали прямо в сердце, эти ножки быстролетные! Или -- другое явление -- с каким искусством во время милой болезни *ни то, ни се*, прославленной Дмитриевым, надевала она простенький батистовый чепчик на голову с узенькой оборкой! Надобно было любоваться, как он подвязывался под купидоновую ямочку на подбородке! Надобно было любоваться на этот бантик в две петли из ленты голубой или розовой, на эту канифасную кофточку! Посмотрели бы также ее на бале, на праздничном обеде. Какая пышность! какой вкус! как ловко умела она входить, выходить, кланяться на все стороны, оборачиваться, даже отворачиваться! Она вся говорила, и на ней все говорило. Притом никогда не видал я ничего игривее ее физиогномии: всякую минуту, кажется, она переменалась, и между тем всегда была одна и та же, всегда мила и прелестна. Поутру, например, после умыванья, румянец играл пятнами на ваточных щечках; после обеда глазки ее покрывались каким-то тоненьким слоем масляной влаги; к вечеру все лицо разгоралось... Что же производили в чертах внутренние ощущения? На каждое чувство у ней было по лицу,-- Но ты сердись... добрая моя Лилета! Дай ручку, виноват, я перестану и буду теперь рассказывать о душевных качествах Софьи... к ним ведь вы, женщины, равнодушнее.

Софья была умна, то есть имела этот светский ум, живой и быстрый, с которым все говорится